

A photograph of a satellite in space, with the Earth's horizon and atmosphere visible in the background. The satellite is a large, rectangular structure with a grid of solar panels and various instruments. The Earth's surface is a mix of blue oceans and white clouds, curving away into the blackness of space.

Станислав Хабаров

Формула красоты

16+

Станислав Хабаров

Формула красоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50847872

SelfPub; 2020

Аннотация

«Формула красоты» – третья книга серии «За стеклом» королевского Особого Конструкторского Бюро Сергея Павловича Королёва начала космонавтики. Время перестройки тогда ломало всех, но славному космическому КБ удалось выжить и сохранить кадры. Секретная прежде ракетно-космическая фирма лишилась обычного бюджетного финансирования и была вынуждена продавать услуги полётов и экспериментов в космосе. В перестройку обычные ограничения сменились невысказанными возможностями и последние вдруг стали первыми. С.П. Королёв создал своё государство в государстве. После его смерти и в годы перестройки подняли головы прохиндеи, которые прежде тщательно выпалывались из рабочих рядов и не засоряли коллектив. Рассказ «Не успел» был вставлен в книгу «Формула красоты» как рассказ о пограничном моменте времени, последних месяцах Главного Конструктора. Он о том, как пересеклись пути Главного Конструктора и инженера Инночки Видоновой, о смерти С.П., о её прозрении. Словом, о былом...

Содержание

Пятно первое	5
Пятно второе	11
Пятно третье	22
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Бодливой корове бог рог не дал.

Пословица.

Всё ушло, прошло, просочилось в песок, сгинуло. И теперь из нынешнего временного далека выглядит страшным сном. В памяти остались лишь воспоминания пятнами по Параджанову.

Пятно первое

Телефонный звонок, и разом вдруг всё переменялось. Возникла радостная суета. Затрепыхались складками видимых и невидимых одежд экономистки. Грется чай, выставляется посуда, вафли, печенье – всё на стол. Шеф идёт.

Экономистки у нас – приниженные существа. Изо дня в день, не поднимая голов считают они свои проценты-коэффициенты, чтобы затем выписать итог с потолка. Со студенческой скамьи попадают они к нам в КБ и потом до седых волос занимаются счётной чепухой. К ним привыкли уже, как к неизбежному злу, как до этого к политучёбе и соцсоревнованию. Но приходится признать, у них – не простая жизнь. Им нужно всем нравиться и соответственно себя вести. Теперь это зовут коммуникабельностью. Но мне претит их вылизывание начальства. «Дал-взял» – слишком куцая политика на мой взгляд.

«Сколько их у нас неустроенных», – вздыхает шеф, имея ввиду экономисток и женщин вообще. Только это – не подлинные его слова, а их слабый перевод. Шефова мысль – нецензурна, категорична и остра, как всё у него.

В жизни я, можно сказать, – книжный человек, хотя считаю, что время литературы прошло. Всё о всём давным-давно написано-переписано и всегда всему найдётся цитата. Часто я вспоминаю-цитирую, раздражая окружающих.

Территория наша по счёту – третья. В её особенностях – обилие грызунов, начинающих отсюда свои жизненные ходы. И, возможно, наш исторический эксперимент именно в том, чтобы выяснить: выживет ли обыкновенный человек в этой среде? В ситуации этой есть и нечто обнадеживающее. «Если мы по-прежнему окружены крысами, наш корабль пока ещё не идёт ко дну».

Шефа нет и первое возбуждение спадает. Греют чай ещё и ещё. Поступает новая вводная: на оперативку к шефу наверх. Это первая его оперативка в новом качестве и последняя, как выяснилось потом. Идти не всем, только начальникам секторов. От экономисток их старшей – Наталье. Её подруги этим расстроены. А я – свободном парении и могу выбирать. Нет, не начальник я, но избран председателем СТК¹, этого нового веяния, хотя мало кто понимает, в чём его суть? А мне это на руку.

Двойственность – моя подлинная натура. Я, как буриданов осёл, что мучился между охапками сена и умер с голоду. И когда следует действовать, я размышляю глядя в окно.

За окном потрясающая картина. В раме окна берёзы высокие, стройные. За ними тёмные ели, а в их прорезях голубой фон неба. Красота необыкновенная. Прямо дух захватывает от беспредельности красоты. Как будто нет слева за

¹ СТК – Совет трудового коллектива, элемент самоуправления эпохи перестройки.

ними высокого стенда ЖРД² унитарных перекисных двигателей, а справа стенки на срезе холма, в которую лупили в войну скорострельные грабинские пушки. Перекисной стенд для меня приветом из молодости. Многое я тогда начинал, и теперь я среди начинаний как средиobelisks на кладбище.

В светлой комнате третьего этажа пришедшие со смехом рассаживаются. На лицах ожидание: что скажет шеф? Он впервые из настоящей заграникомандировки, из Франции. О чем пойдёт разговор? Перед многими листки бумаги, но пока записывать нечего: идут дорожные впечатления.

Это наглость – рассказывать нам свои впечатления. Я и сам десятки раз был во Франции и имею о ней собственное представление. За кого он нас держит здесь? Или он об этом не задумывается? Все сидят с умными лицами, но думают неизвестно о чём. Только старшая экономистка Наталья действительно озабочена: как после девочкам пересказать, как бы чего не упустить?

С виду я тоже – полное внимание, а про себя думаю, что же я вывез для себя из Франции? Пожалуй, прежде всего ощущение красоты и желание разгадки её. Дело в том, что я ищу формулу красоты. Выражение «Красота спасёт мир» уже несёт в себе долю истины и по-моему может стать ключиком формулы красоты. А во Франции я почувствовал, что способен найти её. И ещё я вывез оттуда чувство вины. По-

² ЖРД – жидкостной реактивный двигатель.

тому что есть такой комплекс у русских – за удовольствия нужно расплачиваться. Удовольствий полно. И я брал тогда ответственность на себя, расплачиваясь трудом. Ну, а что же такое всё-таки красота? Её проще отметить, чем сформулировать. За окном и отсюда сверху – потрясающая картина. Оттого, что сначала таяло, а ночью подмёрзло, всё теперь в ледяных бриллиантах – брызгах, и они сверкают и искрятся. И картину наряженных берёзок можно добавить в мою антологию красоты. А что в ней ещё?

Я помню белые ночи, когда совсем невозможно понять – откуда свет? Кругом светло и беспредельная тишина и взаимопроникновение. И дельфины у носа корабля: плывут скользя и прыгают, меняются местами, а за кормой – пенный кружевной след. И ещё зимний лес. Непередаваемый. Снег на елях шапками, солнце пятнами. Снег везде и ты по нему скользишь, немея от красоты. Красота имеет право стать религией.

Территорию нашу зовут между собой Островом Свободы. Так и есть, и чтобы попасть сюда с основной первой территории нужно пересечь старую часть города, возле стадиона свернуть и идти довольно порядочно вдоль высокого бетонного забора пока не появится проходная и стоянка машин. Хотя лучше по-другому пройти между гаражей и финских домиков. Весною с тыльной стороны территории расцветают коллективные сады. За ними лес и ещё торфянка – болото.

Считается, что на третьей территории меньше порядка и вокруг природа и ещё здесь чувствуешь себя личностью вдали от остального муравейника.

Шеф поёт о поездке. Банальная история. Пария из Подмосковья попадает в Париж. С ним привычная свита, друзья-собутельники, что с фирмой в договорах и кормятся из его рук. Номер в отеле поражает шефа невиданной прежде роскошью. Как всегда выпили, и шеф уснул с сигаретой в зубах, проснулся в дыму и оказывается прожжён изумительный секретер. Испугался сначала несказанно: как расплачиваться? Но рядом друзья-наглецы. «Не бойся, Володя. Поихнему: клиент всегда прав, и расплачиваться ни к чему».

Так просто. Как второе рождение. Ощущение безнаказанности. Я – прав, я – клиент, мне доступно всё. Нам с этим теперь придётся жить. А шеф всё поёт об увиденном. И нам приходится слушать. Когда пел Нерон, то удаляться никому не позволялось, даже по необходимости... Рожали в театре, и те, кому пение становилось невыносимым, перелезали через стены и иногда притворялись мёртвыми, чтобы их вынесли вон.

Пора и нам прикинуться мёртвыми. Напряжением лицевых мышц сдерживаю зеवоту и сам себя за это хвалю: циркач, Трукса на канате.

Когда мне трудно, я отправляюсь посоветоваться с Юрой. Он мой единственный верный друг, что не выдаст, не пре-

даст. С ним мне легко и от него нет тайн.

– Допустим, – говорит Юра, – ты соринкой в глазу, но всё зависит от масштаба. По анекдоту... сидят в лесу Сталин и Хрущёв. Сталин на пеньке, а Хрущёв на муравейнике. Муравьи лезут и он их бьёт. Сталин спрашивает: «Ты хоть тех бьёшь, что кусают?» «А кто их разберёт.» «Так и я действовал,» – замечает Сталин.

Наверное, Юра прав. Я выпал из руководящего состава и угодил в полосу массовых законов, но я ещё пока в райских садах, а за сады следует расплачиваться.

– Это не вечно, – говорит Юра, – и там, где зимой на снегу были алые пятна, теперь лепестки роз.

– Юра, меня воротит от присутствия босых ног. Я объясню, это от первой встречи. Сидим мы с шефом на кухне, знакомимся, и он шевелит пальцами босых ног.

– И что с того? Ведь он у себя на кухне.

– Да, не могу я так. Такого не допускаю. И мне претит куцая политика «дал-взял».

Теперь-то я задним числом отчётливо понимаю, что не осознал тогда полной опасности разлитой вокруг. Как бедуин, подставляющий лицо освежающему ветерку, не подозревает, что этой эфирной сущью зарождается ураган. Робкой купальщицей ступает он с берега пустыни, чтобы на другой стороне океана продемонстрировать силу и гнев. И я, увы, соперничал беспечно с бедуином.

Пятно второе

Они вели себя так, словно среди худосочного поля обнаружили пещеру Али-Бабы. Бывает так с карстовыми пещерами: потянуло тёплым воздухом из-под земли, и обнаружился ход-щель, а дальше даже галерея и, наконец, залы сокровищ. И здесь уместны слова знаменитого мафиози: «Хватит на всех». Только ведь каждому своё – одному волшебные шлёпанцы и лампа Аладдина, другим достаточно горсти монет. Для всех нас тогда открылась сказочная возможность – съездить в Париж за казённый счёт. И мы не грабим для этого родного государства. Французы платят за нас.

На этот раз мы отправляемся в новом качестве – с шэфом, и в этом пикантность ситуации. Такое прежде казалось невероятным: беспартийный, трижды разведённый, это было непреодолимым барьером для него. Но перестройка порушила эти преграды. Теперь мы едем вместе в Тулузу и Париж подвести итоги полёта. Проект закончен и можно свободно вздохнуть и эта поездка теперь заключительным аккордом, не столько

по делу сколько для удовольствия приятного итога.

Три года назад впервые попав в Париж, я был разом и ошеломлён и очарован. В памяти напоенный светом первый день. Свет, казалось, отовсюду, и солнца нет и теней нет. Мы

идём по Парижу среди немыслимой красоты. С противоположного берега Сены на нас смотрят Лувр, Самаритен, а рядом у берега приткнулись баржи, совсем по Жану Виго. Нам и легко и весело от небывалого везения и от лёгкого вина, выпитого тайком в номере. Как говорится, душа поёт и хочется откровенности.

– Сюда бы Володю, – говорит Славка.

Я согласен, хотя это совершенно невозможно, как жизнь в воде. И если подумать, зачем в Париже наш коротконогий и короткошей шеф? В силу несбыточности? Нет, никогда не попасть ему сюда по совокупности обстоятельств. Но почему мы подумали вдруг о нём? В силу его равнодушия. Нам непременно хочется с кем-нибудь поделиться, и шеф присутствует в нас, как стронций в костях.

За рукавом Сены, на противоположной стороне – Нотр-Дам. Оперся на выставленные опоры. Нет, это просто-таки невозможно, и нужно прервать бесконечное восприятие красоты. На Славку мне просто совестно смотреть после многочисленных рассказов шефа об отношениях со славкиной женой. Конечно, сказанное шефом нужно на сто делить. Он столько раз на наших глазах выступал незабвенным бароном К. Ф. Мюнхгаузенем, вытаскивая себя за волосы из очередных болот, но слово не воробей и всё окрашивает в определённые тона, и я смотрю на Славку с сожалением.

С тех пор три года жизни незаметно прошли. Я много раз бывал в Париже, как правило, мимоходом, в начале обыч-

ного броска на юг и в конце его. Наверное, эта кратковременность Парижа и придавала впечатлениям остроту. Вояж в Париж для меня – священнодействие, и я к нему готовлюсь.

Звонок. На проводе шеф, интересуется:

– Во сколько едем?

Объясняю ему, что самолёт в 8.30 и из Подлипок ему нужно выезжать в 5.15 утра.

– Ты водку купил? – спрашивает шеф.

Некорректный вопрос, я всё делаю вовремя.

– И мне купи.

Чертыхаюсь про себя, но отвечаю вежливо:

– Хорошо.

Бросаю укладываться и бегу в магазин. Благо он рядом и открыт. Не по душе мне эти поручения, они нарушают ритуал.

Вроде бы всё. В полночь собираюсь отключить телефон, и новый звонок. Звонит коллега из соседнего отдела Петухов, тот, что нехитро обхаживает шефа по правилам политики «дал-взял». Спрашивает:

– Вы завтра летите?

– Сегодня уже.

– Извини.

Судя по голосу он в силах ещё соображать.

– Во сколько?

– А что?

– Шеф спрашивает.

– Так я же ему объяснил. Давай-ка его сюда.

– Мне объясни.

Известен испорченный телефон.

– Вы где?

– В бане.

– В полночь?

– А ничего.

Объясняю ещё. Чувствую нарастание бестолковости.

Утром в аэропорту у шефа потрёпанный вид. Отдаю купленную водку. В очереди на отлёт шеф заметно мучается. Границу мы проходим раньше и ожидаем шефа в буфете с коньяком. В полёте шеф спит.

Из бани они, оказывается, вернулись поздно. В пять по договорённости заехал шофёр, и шеф его отпустил. Крутов – попутчик шефа и сосед по многоэтажке – в конце концов забеспокоился: отчего нет машины в аэропорт? Поднял шефа и тот вспомнил, что он вроде бы её отпустил. Пришлось Крутову напрячь все свои возможности, чтобы успеть вовремя. И вот в самолёте шеф спит, уронив голову на грудь.

Самолёт дрожит от непомерных дорожных усилий, а мы такими голубчиками сидим себе в хвосте салона вдали от начальства и пьём лёгкое вино, листаем французские журналы и разговариваем. Впереди наискосок в пределах видимости спящий шеф, и я думаю и о везении его и о политике

«дал-взял».

Как-никак а мы созданы для коллективных дел. В ЦУПе (Центре управления полётами), например, вся наша муравьиность на виду. Помимо своего делового назначения ЦУП – неперемнное место встреч. Где и когда ещё встретишь тех, кого давно не встречал или кто исчез с нашего делового горизонта и появился уже совсем под другим соусом. Но эта встреча запланирована: французы приехали. Обсуждается будущий полёт.

Они ещё и в рабочую комнату не вошли, толкуются около, а мы уже спешим к ним по коридору, с другого конца. Мы – это я и шеф. Подходим, здороваемся. Лабарт в этом проекте уже в новом качестве: не замом, а выше – он стал директором проекта с французской стороны, по сути самым определяющим лицом. Мы как-то с ним обсуждали возможности улучшить дело. И хорошо бы и с русской стороны поставить знающего человека организатором, директором, который бы и за проект отвечал

и разбирался во всём, словом, как у французов. И что там греха таить, я в предыдущем проекте играл негласно такую роль.

– Кого вы видите директором проекта с российской стороны? – спрашиваем мы через переводчицу.

Лабарт отчего-то мнётся, пожимает плечами, отвечает уклончиво. Ему неприятны вопросы в лоб. Со мной он дав-

но знаком, а шефа узнал во время его недавней поездки во Францию.

– Я думаю, – тянет Лабарт, – но это моё личное мнение. Директор не должен быть из медиков...

Конечно, не должен. Медики – привлечённые с их медицинскими экспериментами из Института медико-биологических проблем, с их неуёмным рвением бороться за каждый зарубежный день, желанием подключить ещё массу коллег. По каждому «основополагающему» эксперименту, вроде взятия мочи, от них должны ехать двое – учёный и инженер. Учёный? Какой – такой учёный? Кот учёный? Да, мы согласны целиком и полностью – медики не подойдут. А кто же? Я по делу подхожу более всех. Во-первых, у меня весь предыдущий опыт, да и с Лабартом мы чуть ли не друзья. Чего ещё?

– Не знаю, – тянет Лабарт, – мы не обсуждали ещё...

Я мысленно его подталкиваю: рожай скорей и дело с концом.

– Могу сказать только своё мнение...

Ну, говори. Я знаю, что буду отличным директором, хотя это жертва с моей стороны. Администрирование отнимает массу времени. Однако кому запрягать, тому и возить.

– Я думаю, что директором с русской стороны лучше стать вам.

Он смотрит на нас, и я улыбаюсь: наконец, дело сделано. Чувствую себя директором. Всё у нас должно, как по маслу

пойти. Опыт есть, своё умение я доказал и с Лабартом у меня полный контакт.

Но странное дело: он смотрит не на меня, а как-то в бок.

– Вам, – говорит он шефу, – вам лучше всего стать директором проекта с русской стороны.

В Париже наши пути расходятся. Нам в Тулузу, и мы отправляемся в Орли. А шеф останется в Париже и подъедет позже, «на пару слов». В Тулузе всё повторяется. Три года назад мы начинали а школе авиационных техников, в длинном лабиринтообразном здании, напоминающем фазенду из идущего в России нынче сериала «Рабыня Изаура». Совпадают даже некоторые детали. Например, цепи, висящие по углам взамен водосточных труб. И вот мы опять в школе авиационных техников.

Появляется французская компания: Мишель Ко, Патрик Обри, Ив Дансэ. В проекте у каждого свой двойник – визави, зеркальное отражение, занимающийся тем же в своей стране. Вместе и порознь мы думаем о предстоящем космическом эксперименте, который словно ребёнок, будет крепнуть и расти, и это сплавивает нас и объединяет и в деле, и в отношениях, и даже в сувенирах, что мы привезли с собой.

Вытаскиваем привезённое. Это муторное дело – таскать с собой хрупкие вещи. Хочется отделаться. Отдал и всё. Я вижу недовольный взгляд Лабарта. Всё-таки не дело, наверное, начинать с этого. Догоняю его где-то во дворе, бормочу за-

готовленные слова, вручаю привезённое для него, в том есть изюминка и неформальный подход, но чувство неловкости остаётся.

Спустя пару дней в Тулузе появляется шеф, и как-то вечером мы отправляемся к Жаку в гости. Жак для нас – производная Лёнечки Сюливанова. С кем и над чем не работал бы Лёня, все постепенно становятся его друзьями. Но получается будто он дружит только с нужными людьми. Недоброжелатели называют его сенбернартом Сюливановым. Возможно в этом есть крохи истины. Когда мной определялся состав зарубежных делегаций, мы были с ним, что говорится, не разлей вода. А позже отношения выражались разве что в бурных приветствиях и в гипотетических приглашениях в баню, которые так и не были реализованы. Но иностранцы Лёнечку любят. Не знаю за что, возможно, за бесхитрость и простоту, за некую виртуальную черту характера, которая, не проявляясь, чувствуется. Во всяком случае в гости приглашают именно его. А иногда и мы к нему бесплатным приложением.

Итак, мы идём в гости к Жану, который работая в ИКИ³, познакомился с Инессой, по паспорту русской, но чёрной как смоль и выглядевшей андалузкой. Застолье затягивается. Мы возвращаемся засветло, и на притихших тулузских улицах грохочет русская речь.

³ ИКИ – Институт космических исследований.

Утром на въезде в КНЕС⁴, где тормозит наш автобус, нас перехватывает Инесса и на глазах у всех вручает нам по пузатой бутылке бренди, как будто рядом нет шефа и мы основными здесь. Её внимание волнует и тревожит чуть-чуть.

И снова Париж – наша перевалочная база на сутки. Отель «Дюк де Бургонь» на одноименной крохотной улочке, в двух шагах от центрального КНЕСа. Многочисленные медики, стрекулист Митичкин с возможными экспериментами, управленец Крутов, неизвестно как попавший в команду. Триер, Николай Семёнов из Главкосмоса, отвечающий якобы за информацию общественности. Гудит отель. А вот и шеф. Он спускается по лестнице, повторяя вслух итоги сделанного и в конце: «Осталась только трахнуть Таисию...» (и опять это всего лишь мой слабый перевод).

Может, в работе и возможно полное единение, когда выходит всё в нужной полноте. Об этом можно только мечтать. Увы, здесь вовсе не так, и всё во мне противится политике «дал-взял».

Париж – перевалочная остановка. Сутки в Париже, день и ночь. Французам мы больше не нужны. Работа закончена. В гостинице там и тут возникают местные сабантуйчики. Возможности тоже – местные. Только шеф и Таисия вчера попали вчера на особом приёме. Утром рассчитываясь мы удивляемся бестолковости Сюливанова. Он плохо считает в уме. Оказывается, пили с шефом всю ночь.

⁴ КНЕС – Национальное космическое агентство Франции.

В полночь постучал к нему шеф:

– Выпить есть?

И Лёня достал пузатую инессину бутылку.

Ах, эти ранние утренние сборы: допивается на ходу, дожёвывается. Спускаюсь вниз. В фойе неприкаянный Митичкин – «меся не в попад и не в такт» с истёртым юношескими пороками лицом.

– Ступай наверх, – говорю ему, – там наливают на посешок.

Он кивает, всем видом показывая, что ему на это наплевать и всё-таки спрашивает:

– А кто?

– Крутов, Сюливанов...

Лицо его ничего не выражает.

– ...и шеф.

Называю фамилию шефа, и Митичкин бросается наверх.

Опять самолёт и безбрежное сонное царство. Разносят декларации. При заполнении я объявляю, что у меня как раз день рождения.

– Тогда мы едем к тебе, – заявляет шеф.

И тут меня прорвало. Я близок к истерике и выдаю всё, что накопилось у меня, отлично понимая, что слово не воробей и что язык мой – враг мой. Разрушился хрупкий мир красоты от грубости приёма «дал-взял». Сказалась испорченная

поездка, и в результате публике досталась немая сцена.

В Москве по прилёте я прежде всех получаю багаж, хватаю первую подвернувшуюся машину. Вон из среды вязких отношений, я задыхаюсь в ней. Но не она достала меня. Заморский мир удивительной красоты и тонких отношений отныне для меня в следах невымытых шефовых ног.

Они же, получив багаж, поднимутся в аэропортский ресторан и разопьют бутылочку из аэропорта «Шарль де Голль» и к ней добавят местного розлива, всё за моё бесценное здоровье, хотя это скорее похоже на поминки. А мне даже не икалось. Я мчался, радуясь, что всё позади, искренне не понимая, что всё действительно теперь для меня позади.

Пятно третье

Удивляет логика французов. Перед отправкой в космос той самой экспериментальной конструкции, из-за которой и затеян весь полётный сыр-бор, выясняется, что одна деталь сделана не так и должна быть доработана. В ответ мы слышим: «На доработку больше денег нет». «Так не раскроется конструкция, и всё коту под хвост. Два года усилий, надежд и чаяний». «Мы всё понимаем, – отвечают французы, – только действительно деньги кончились». Собственными средствами исправляем очевидный дефект. Позже выяснилось, что на доводку конструкции у них денег нет, а на итоговую встречу – и не где-нибудь, а в Ницце, на Лазурном берегу – они находятся.

В Ниццу летела от нас пёстрая компания. Матисс писал: «Закрыв глаза, я вижу эти объекты лучше, чем с открытыми глазами, без мелких погрешностей, вот эти объекты я и пишу». А что опустить мне?

Память оставила предвыездную суету, тезисы докладов и их утверждение комиссией. Слезы Соньки на территории ЦУПа, на отрезке к проходной. Но отчего рыдала она? Разобраться я не пробовал. Возможно, женская рефлексия, реакция на события.

«Красота спасёт мир», – повторяют теперь на каждом углу. Как же, ждите, спасёт. И что называть красотой? В кра-

соту Франции я выбираюсь по-особому. Есть своя прелесть ранних утренних минут. Тротуары пусты. Пуста светящаяся коробочка трамвая. Вымытое пустое метро. Красота пустоты.

Дома ритуально присели, помолчали, и в этом ещё наша общая жизнь, а там, за порогом начинается путешествие. Масса деталей в реестре этого необычного дня, который в официальных бумагах считается полуднём. (День приезда и день отъезда – один день).

В чистом пустом вагоне пахнет дорогим табаком. Должно быть ехали иностранцы. Коротким переходом перехожу на другую линию метро. Капли воды на мраморных плитах пола словно следы прощальных слёз. «Не плачьте. Я не надолго. Через неделю я снова буду здесь».

Сбоку из чемодана выглядывает клочок рубашки. Можно убрать, пока никого нет. Но постепенно вагон заполняется. Напротив села семья: мать, дети, сумка на колёсиках. Дети затевают возню, затем засыпают, прильнув к матери. Рядом садится лётчик, поставив у ног портфель. Может, это – мой лётчик, от настроения и умения которого зависит моя жизнь?

Станция «Беговая». Всего лишь раз мы были здесь и играли на бегах. Всего лишь раз, первый и последний. Хотя отчего последний? Жизнь ведь не окончилась. Вагон наполняется и опорожняется. Едут на дачу. По ночам там ещё холодно и боязно ночевать, но тянет за город хоть на несколько

часов, и отправляются в такую рань... Девушка читает книгу. Должно быть, едет на работу, и для неё это привычный маршрут.

Нет, это не наш пилот. Он выходит на «Тушинской», как и семья. Можно и раньше догадаться: отсутствует международный лоск. Странное дело, в вагоне занята одна сторона. Возможно, это проявление целесообразности – садятся напротив открывающихся дверей.

«Сходненская». Все вышли. Мне одному ехать до конечной «Планёрной». Дальше автобусом мимо ежей, где в 41-ом были остановлены оккупанты. Совсем недавно мы были здесь, только сворачивали в другую сторону и вместе с нами холодным грузом был Гена Жуков, умерший в Париже на улице Ренн.

До Парижа мы летим с космонавтами. Мы сидим с Соней в салоне аэробуса, в последнем ряду, где всего по два кресла с каждой стороны. За спиной «пяточок» курильщиков и туалеты. Мы беседуем, у нас с ней много общих знакомых и тем. Как – никак вместе работали несколько лет назад. Мы сидим и светски беседуем. Перед нами в ряду Лёня Сюливанов. У него в ногах большая спортивная сумка. Временами он оборачивается, предлагая принять по капельке.

Предлагаю Соне. Она отказывается, мы чинно беседуем. Я лечу в Париж какой-то «надцатый» раз, а она впервые за границу и сразу в Париж и Ниццу. Переживает. От куриль-

щиков отделяется космонавт Волков – commandant Волков, герой дня. Это его настойчивыми усилиями была распахнута французская раскрывающаяся конструкция.

То, о чём говорит Волков, потрясающе. Он предлагает Соньке удивительный автомобильный маршрут через всю Францию: Бургонь, Шампань, Прованс к Лазурному берегу. Ну, что на это можно сказать? Вспоминается Азиз Несин «Если бы я был женщиной». Сонька слушает и улыбается. Она выглядит элегантно: чёрный костюм, из-под короткой юбки длинные ноги. Всё в ней притягивает. Отвечая Волкову, я оборачиваюсь, говорю, что этот маршрут – мечта и замечаю перхоть на сонькином воротнике. Интерес мой к ней тотчас пропадает. Такое – не редкость для меня. Деталь и отношение меняется. Глупо, по-детски, но с этим ничего не поделаешь. Таков уж я.

Весь этот день – долгая дорога. Кружным путём по Парижу из аэропорта Шарль де Голль в Орли с остановками у Нотр – Дам и на Монмартре. В соборе я рассматриваю подиум. В Москве он не давал мне покоя, я пытался его описать: мраморный, со ступеньками... А дальше что? Теперь рассматриваю. Любуюсь восточными витражами. Вернувшись я что-то читаю про Нотр – Дам и каждый раз нахожу новое, а позже подтверждение прочитанному.

Иду вдоль стены. В ней ниши святых, как индивидуальные каюты у нас на станции. Я знаю, что космосу покровитель-

ствуует святая Сессиль. Где она? Есть ли у неё собственная каюта-келия? У выхода протягивают афишки: через пару часов в соборе зазвучит органная музыка, но мы будем далеко.

В автобусе Соня садится на передний ряд к Крутову. К чему неуместное притворство? А рядом Таисия с шефом. Они беззаботно болтают. Они теперь в центре всего. Я мог бы о многом им рассказать. Ведь о Париже я начал читать ещё тридцать лет назад, студентом второго курса в подсобке ленинской библиотеки.

Мне вспоминается вытянутая комната в металлических стеллажах с окнами на кремлёвские башни. Я могу многое рассказать, но меня никто не спрашивает. Хотя не трудно догадаться: совсем не просто попасть сюда и Соньке нужно поездку отрабатывать согласно принципу «дал-взял».

Не знаю, как это получается, но некоторых особ женского пола меня так и тянет называть Катька, Сонька, Дашка. И не иначе, хотя я прекрасно понимаю, что это неприлично и стараюсь этого избежать. Но логика вещей заставляет, и я их всё равно их так называю, хотя не вслух, то хотя бы про себя.

На площади Тёрт – обычное столпотворение, и Крутов с Сонькой теряются. Мы ждём их у церкви Сакре-Кёр у автобуса. А их всё нет и нет. Пропали они. Должно быть, он ей сказал: подождут, а у неё коленки тряслись и небось холодело в животе от мысли, что она здесь, в месте мечты. Тогда из-за них мы чуть было не опоздали в Орли.

В броске на юг мы сидим привычной компанией в само-

лётном хвосте. А впереди продолжается шикарная выездная жизнь.

«Поеть пора». Стоило шефу заикнуться и «Сейчас, Володечка, – закудахтала Таисия, – вот сосиски подкопчённые», а «сенбернар» Леня Сюливанов раскрыл бездонный саквояж. И понеслось, угощали и соседа – негра со скрипкой, а закончилось всё тем, что сосед забыл в самолёте скрипку, а Сюливанов недавнюю гордость свою – импортный фотоаппарат.

Ночными набережными покатали к Ницце из аэропорта, затем тоннелем от Ниццы и сразу вильнули в сторону, к отелю «Пьер ваканс», что на мысе Ферра. Снаружи здание его опоясано балконами и похоже на пришвартованный корабль. И впечатление мавританского, может, от моего архитектурного представления и от комбинации карминного и белого цветов.

За дверью номера сразу глухая комната – спальная, затем в предбаннике кухня-прихожая и вот просторная комната с дверью на балкон. На нём пластмассовые стол и кресла, а под балконом бассейн с подсвеченной водой.

Звонит телефон: Крутов по поручению шефа. «Есть предложение собраться в бассейне». «Предложение игнорирую», – может, в меня вселился бес. «Но все идут». «И на здоровье». Медленно разбираю чемодан.

Комната велика для одного. Зеркало во всю стену. За пе-

редней холодильник, мойка, плита в проёме стены, масса кухонных принадлежностей. Рассчитано на семью. Два дивана-кровати, стол, ещё одно, круглое зеркало. Акварель на стене. Простой сюжет: дверь, увитая зеленью.

Снова звонок. Предлагают собраться на ужин в номере Лёни Сюливанова. «Только никого не зови», – предупреждает шеф. «Как же я могу не позвать. Люди впервые приехали и ждут в номерах».

У Сюливанова тесно. Сонька в чёрном трикотажном костюме своими длинными руками-ногами напоминает карнавального чёрта. Как неуместна здесь она со своей суетой, экзальтацией, возгласами. В предыдущих поездках у нас сложился деловой ритуал, а она из него выламывается своей восторженностью. Крутов, открыв посудомойку, разбирается в её конструкции. Сервируется стол. Шеф скомандовал и понеслось.

Ночью двинулись нетрезвой компанией по шоссе в сторону Ментоны. Непредсказуемый шеф заставил всех спуститься к воде между вилл узким и тёмным проходом. Слава богу, что нас не перестреляла тогда охрана в темноте, не спустили на нас собак среди дорогой частной собственности.

Шеф решил искупаться и нагишом полез в воду. За ним из преданности поплыл и Сюливанов. Женщины отошли в сторону от фыркающих в воде. Эх, Лёня, Лёня, сенбернар Сюливанов, проданся за чечевичную похлёбку! Возможно,

там или перед этим в номере «Пьер ваканс» и появилась наша бифуркационная точка.

На выпивке шеф реминисцировал: «Когда был я космонавтом...» Не хочется верить, хочется возражать. «Нет. Не был». Не верили тем, кто в космонавты пролез. И вообще... «Впервые я вижу руководителя, хвлящегося привилегиями. Привилегиями пользуются». А шеф рассказывает, как его обхаживали в Париже. «Пожалуйста, выбирай любой коньяк, любой Наполеон».

Над нами звёзды южного неба, безмолвное море рядом чуть плещется чернотой. А в нём шеф и Лёня фыркают кентаврами, и в стороне по краю залива сияют далёкие ментонские огни, и капли, подброшенные купальщиками, сверкают бриллиантами.

Ах, сколько раз я пытался продолжить рассказ и на этом месте спотыкался. Об этом роскошном симпозиуме, о местах, напоминающих об Орлове и описанных Фицджеральдом, но ничего толком не получалось. Ницца – тема особого рассказа. Во всяком случае можно обойтись без необходимой полноты, перебегая данное место. Прекрасная Клер, Сонька с муками совести, встреча с Лузановым, метаморфоза в местном *Cartefour'e* с майором Колоницким, казино Монте-Карло, цветочный рынок, музей Шагала в Ницце и еврейский патриотизм наших медиков, суаре на ферме в горах, Сен-Поль-де-Ванс – это требует особого изложения, а

пока беглой скороговоркой дневниковой записи.

Проснувшись я угодил в очаровательную картину. С балкона открылась гладь залива, ровная, как зеркало, с лодочкой на ней. На его противоположной стороне освещённый утренним солнцем сказочный город карабкался на зелёный холм. Дома невысокие разноцветные с обилием черепичных крыш. А по бокам пинии в утреннем свете, нежные, как девушки. Пальмы не как на Кубе – дикие и гордые – а с пышной гривой, роскошные. Рядом цветы у бассейна в горшках, кадках, ящиках. И просто нечего сказать – красиво и всё.

Холодный по-утреннему балкон с белыми креслами и столом, за которым я пробую писать. Снизу доносится летящая французская речь, а ещё ниже проходят русские. Если уместно так назвать нашу славяно-татаро-еврейскую компанию. Утром я плавал в бассейне, и теперь рядом на специальной металлической этажерке сушатся мои мокрые плавательные принадлежности, а по перилам балкона деликатно разгуливает местный французский голубь, небольшой, палевого цвета, непохожий на наших раскормленных отечественных тунеядцев. Он мне кажется по-особенному вежливым и поворачивает головку, словно демонстрирует своё внимание и старается не мешать. Я уже тороплюсь: подходит назначенное время. Снизу, сбоку, со всех сторон доносится голос шефа.

Утро чудесное: прекрасные виды и тепло. Пора одеваться. Спотыкаюсь о высокий порог балкона, о который я ещё

долго буду с непривычки спотыкаться, как и задевать низкий светильник в комнате. Светильник с виду похож на купол камбоджийской пагоды.

Внизу, у залива, на набережной нас ждёт необычный ска- зочный поезд. Паровозик – конёк-горбунок – с цифрами 1887-го года, полицейские сопровождающие на мотоциклах в белых касках и портупее с белой кобурой, из которой торчит солидная рукоятка. Мы садимся, и поезд трогается. Вдоль залива, по набережной «Променад моряков» вдоль высокой стены, над которой прибрежное шоссе. Стена увита цветущей бугенвиллией, от названия которой мне, книжно- му червю, становится не по себе.

Очень медленно едем по набережной в крепость. В гору тянет наши открытые вагончики бутафорский паровоз. Ма- шинист время от времени звонит в колокол. А

по сторонам гуляющие отдыхающие дружелюбно кивают нам и улыбаются, и кажется – мы в раю, где все довольны и радостны, и вот-вот нам обязательно встретятся мои рано погибшие родители.

Преодолеваем спирали подъёма. С высоты открывается то ли французский, то ли итальянский вид. Ментон прежде был и итальянским городом. И эти благословенные места не раз переходили туда-сюда. Смотрю на волнорез, отделяющий за- лив. Яхты, катера, разнокалиберные судёнышки расставле-

ны по своим местам и любуются собственным отражением.

Пленарное заседание собирает всех в зале-гроте крепости. Стены его вырублены в скале. Они из грубого камня и возле сцены переходят в обычные. На сцене трибуна, флаги, экран, а возле сцены, на каменной глыбе бронзовая женщина, молодая, обнажённая, сидит, подвернув ногу под себя. Она вглядывается в зал, и все из зала смотрят на неё.

Звучат вступительные слова. Бургомистр города Вильфранш приветствует нас от муниципалитета и жителей. Представлена русская делегация. Отмечен особый вклад команданта Волкова, действия его в открытом космосе. История отношений излагается исподволь, с того самого момента, как Жан-Лу-Кретъен отправился первый раз в русский город звёзд.

Переводы синхронные порой забавно звучат. Для нас они – чистый кайф. Всё позади и можно расслабиться. Затем фильм о проекте «Арагац»: «Вы можете сами увидеть правду о миссии...» Гаснет свет и начинается фильм... Октябрь 85-го. Горбачёв в Париже...

В зале полумрак. Я сижу вдали от сцены и чувствую, начинается новый акт. Отворяется двери и в зал входит женщина, непохожая на других. Ото всех отличается. Она не из обслуживающего персонала, которого здесь полно. Проходит к пустующему месту. В зале масса организаторов и переводчиков. Они ведут себя неприметно и скромно, совсем

не так, как она. В перерыве участники высыпают во внутренний дворик. На длинном столе расставлены соки, воды, кофе и чай. И не просто «а ля фуршет», а буфет с обслуживанием. В разномастной толпе там и тут возникают свои центры притяжения. И опять я вижу эту необычную женщину. Своей причёской и фигурой и правильным англо-саксонским лицом она напоминает фильмы с Диной Дурбин. Причёска выглядит несколько старомодной, но ей идёт, и всё в ней необычно и привлекательно.

Рука моя скучающе водит по бумаге. Во время нудных выступлений весь лист заполняется виньетками, лицами и среди них часто выходит одно лицо. Оно выглядит по-разному, сохраняя неизменное сходство. Возможно, это лицо моей молодой матери, а, может, женщины моей мечты, записанное где-то во мне гениальным языком. Рука сама рисует портрет женщины с распущенными волосами.

На этом симпозиуме нет директора нашего проекта с французской стороны – мадам Тулуз. Хотя кто-то пошутил: «Да, вот она». Надо всеми во внутреннем дворике возвышается фигура бронзовой беременной мадонны с зелёным животом. «Вот она – Тулуз. Она присутствует моделью». Тулуз беременна и не участвует в последних заседаниях. Ей удаётся разом совместить – проект и новорождённую семейную жизнь. Она была так же беременна в начале проекта. Возможно, нам она дана в олицетворение рождения нового в

технике и для человечества.

По расписанию следующие заседания по секциям. «У медиков, – объявляют французы, – под руководством академиков Гурфинкиля и Григорьева (французы любят курить фимиам; ведь они вовсе не академики, а члены-корреспонденты), и инженеров Никитского и Крутова в технической группе. Обеды по расписанию в местном морском клубе (двести метров к морю вниз). Сегодня приём в двадцать часов в мэрии. Во вторник ужин на ферме Сен-Мишель в горах. Разные экскурсии».

Завершают пленарное заседание выступления космонавтов. «Нагрузка была на весь экипаж, – объявляет с трибуны Крикалёв. – Эксперименты накладывались друг на друга... Подготовку в составе экипажа следует начинать раньше, привлекать опытных специалистов, знающих состояние борта... Использовать опыт предыдущих проектов...»

Хорошо, правильно говорит с трибуны космонавт, хотя сам он подключился перед самым полётом, и его функции (он оставался при «выходе» в станции) на тренировке в бассейне гидроневесомости приходилось объяснять буквально на пальцах.

Комната технической группы являла монастырский антураж: вытянутая, с низкими сводами. Стены её украшены небольшого размера картинами. И странное дело: и сюжеты и подписи говорили, что все они русского происхожде-

ния. Ковалевский – «Лошадь», Левитан «Осень», Маковский «Украинка», Поленов «Порт», опять Левитан – «Зима», другая «Зима» Поленова, Серебрякова «Интерьер 1908 года», Малявин «Русские крестьянки»... Что за наваждение? Выясняется, что прежде здесь был русский форт. Здесь заправлялись русские корабли, когда после неудач Крымской войны стоянки русских военных кораблей в Чёрном море были запрещены.

Начинается первое техническое заседание. Первый доклад и первый вопрос о безопасности. Лепечет что-то невразумительное Паризо, ответственный с французской стороны. Никитский толкает меня, и я беру микрофон. «У нас, как всегда, уделялось важное внимание вопросам безопасности. Рассмотрено было сто нештатных ситуаций, но как всегда и бывает, случилась сто первая...» Я говорю и все смотрят на меня. Это первое выступление русских специалистов, неофициальное. В зале множество незнакомых, не работавших по проекту, не знающих: кто есть кто? Все смотрят на меня, а я отвечаю на вопрос, заданный не мне и мой ответ – ответ русской делегации.

И пошло-поехало. Начинаются доклады, как правило, занудные. Интересны они лишь узкому кругу специалистов, и только ими понимаются. Переводчицы стараются. Они здесь не обычные, а классные профессиональные. Перевод их состоит не из отдельных изолированных фраз, а из целых смысловых периодов.

Зал невелик, всего от силы на 30–40 человек, и пятая часть знакома нам. Остальные знакомы не с нами, а между собой. Они слушают, а нам быстро надоедает, и поневоле думаешь об ином. Мне жаль Хустова, и это связано с шефом и хустовой женой. Мне жаль другого шефова подчинённого, соседа его по дому, молодёжному кооперативу. Но временами кажется, он сам на это пошёл. Они с женой сговорились, и он сдаёт её в ренту, во временное шефово пользование.

Мы обсудили эту проблему с Юрой.

– В природе это естественно, – говорит Юра, – возьмём лягушек. Им не откажешь в естественности. Лягушки выбирают обеспеченность. По крику-кваканью самка способна определить здоров ли самец, его потенцию и даже размер подведомственной ему территории...

– Так это лягушки...

– Так, может, в лягушке этой царевна заколдована...

– По этому поводу я расскажу анекдот.

Вся мудрость наша на уровне анекдотов. А впрочем так удобней обсуждать скользкий вопрос.

– Иван – царевич прожил долгую жизнь, и как-то, копаясь в рухляди, нашёл старый лук и запылившуюся стрелу. Стреляет он, как в былые годы, и отправляется за стрелой. Находит в болоте лягушку, и она говорит ему человеческим голосом: «Целуй скорее меня, Иван-царевич, и я превращусь для тебя в прекрасную девицу-красавицу». А он ей отвечает: «Пойми меня правильно. Я уже в таком возрасте, что мне

интересней говорящая лягушка, чем девица-красавица».

Как говорится, всему своё время и о вкусах не спорят. А о чём же спорят тогда? Вкусы определяют всё. Отними их у нас, и станешь соседом шефовым с его женой во всей откровенности политики «дал-взял».

– Любая ценность – товар, – утверждает Юра.

– Когда это не касается тебя и твоих друзей.

Всё дело в том, что у меня есть идея: облагодетельствовать человечество. Я собираюсь открыть ему Формулу Красоты. Всё потому, что она – основа в мире всего и должна спасти мир. По определению. Я чувствую себя спасителем. Возможно, это и есть разновидность сумасшествия. Со стороны видней. Но что поделаешь, я верю в это, это меня поддерживает и это – «праздник, который всегда со мной».

В самых первых рядах сидят знакомые по проекту, те, с которыми мы пуд соли съели и тянули наш общий воз. Дальше для нас фигуры неясные, что обозначились разве что только в конце проекта скрытой частью айсберга и выступают в статусе важных персон. Так и везде, имеются бурлаки и персоны возглавляющие. Но мы себя лучше чувствуем, у нас за плечами проект. А постороннему с ходу и не понять, кто был каменотёсом проекта, а кто в утопленной части айсберга. Справа наискосок сидит от меня эта необыкновенная женщина веянием прежних времён, до которых нам не дорасти. Причёска, пожалуй, по-нынешнему старомодная, но

ей идёт. Она внимательно слушает. Хотя зачем наша техногенная муть красивой женщине? Зову условно для себя её «американкой» за правильные англосаксонские черты.

Её присутствие заставляет меня философствовать: «Что я Гекубе? Что мне Гекуба? И к чёрту вся наша вяжущая субординация». Я называю шефа про себя «интерпретатором», хотя вернее называть его клоуном. И в самом деле он – мастак откалывать цирковые номера. Он выступает для себя и наедине с собой. И в этом он как барон Мюнхгаузен, вытаскивающий себя из болота за волосы. Является он, скажем, с очередного разноса, казалось стёртый в порошок. Любопытствующих полно, и начинает излагать ситуацию, и постепенно выходит всё-ничего, и он – герой. Но главное – он верит в это сам уже, и этим живёт.

На людях он – бесподобен. Его блестящие импровизации – итог множества контактов и впитанных фактов, сказанного, слухов, перемешивающихся в его голове. И трюки выглядят порой убедительней фактов, убеждая и окружающих и самого.

Вечером продолжение фиесты в мэрии. В зале, похожем на ангар, расставлены столы с подносами гор птифуров, уставленные бутылками. Белоснежные официанты наполняют бокалы вином, коктейлями, шампанским. Вначале приветствие от мэрии.

Отвечает Виктор Крутов, и этим самым как бы выдвига-

ется во гран угла. Виктора в этом смысле «хлебом не корми», дай покрасоваться чуть-чуть, что он удачно делает. В ЦУПе он в центре внимания, на виду. В нашей скрытой космической области он верхушкой айсберга. Его обхаживают журналисты и задаривают иностранцы. Он толкователь полётной сути и трансформатор кабалистики полёта на язык человеческих слов. Он разрешает связь с экипажем, он в самом деле занятый и ответственный человек, но околополётная суета сует увлекает его самого. Ему дозволены крохи информации нашей засекреченной области, и он умело этим пользуется. И теперь он уверенно говорит, не хорошо и не плохо, на четвёрку с минусом.

Он появился в нашем составе внезапно при посещении нами гиганта французской аэрокосмической индустрии, фирмы «Аэроспасиаль». Он был оформлен только лишь на неё, и нам с трудом удалось уговорить французов продлить его командировку и взять его на пару дней с собой в Тулузу. А первым тулузским днём я был несказанно удивлён: он принёс наивно-куцый листок протокола, где излагается всё «о'кэй» и подписи, его вверху. Но протокол нужен нам не о том. У нас идёт приёмка аппаратуры, и это очень важное дело и будет всё расписано. Для этого мы и приехали в Тулузу.

– Послушай, Виктор, – говорю я ему, – я тебя очень уважаю. Ты очень хороший человек и специалист. Но дело не в этом. Ты здесь не должен руководить. Нам предстоит принять приборы, идущие в полёт, и это огромный труд, а шоу

закончилось.

– Тогда я подпишусь на чистом листе протокола.

И он загодя подписывает чистый лист, чтобы вложить его затем в готовый протокол, но так, чтобы его собственная подпись стояла выше всех, и этим нас обезоруживает. Да, бог с ним, пусть покрасуется, лишь бы не мешал.

В дальнейших поездках делать ему было нечего, и он брал на себя руководящую роль. Сидел не в общей комнате испытаний, где творилось главное действие, а с французским руководством проекта в отдельном кабинете, «надувая щёки», мусоля генеральный протокол, где только слова-слова и графики будущих встреч. Здесь есть возможность подправить состав делегаций и вставить не только свою и своих креатур. В этой поездке его сопровождают двое: Сонька и Сева – цуповский администратор, начинающий своё карьерное восхождение.

Виктор не забывает о других, в этом нужно отдать ему должное. Только расплачивается за чужой счёт. Зачем нам брать бесполезных сорных людей в редкие командировки? Но в этом венец политики застойного периода. Ведь девяносто процентов итогов присваивают себе руководители и только десять процентов остаётся исполнителям. Переживая струйку ресурсов, Виктор делает это по-божески, и за это спасибо ему. Наверное, так поступает и мафия и на этом держится. Но я – божий человек и настраиваюсь против него.

Действует Виктор предельно просто, согласно правилам

«дал-взял». На следующей встрече в Москве он не мешал, а предложил по завершению встречи взять такси и отправиться с французами на Ленинские горы, учинить там летучий брудершафт с выпивкой и видами Москвы. Я тогда был изнурён работой и не столько работой, как окружающим её политесом и сразу поехал домой. Французам поездка понравилась. Они и сами во Франции организовывали нам развлечения и оценили по достоинству усилия Крутова.

По нашим выездным понятиям Крутов был самонадеян и смел, задерживая целый автобус, и пока он гулял с Сонькой по Парижу, вся делегация и прикомандированный к ней сотрудник КГБ были вынуждены перекуривать у машины и ждать, теряясь в догадках.

Между тем вечерний приём развивался по всем правилам куртуазного искусства. Самые бойкие уже подходили к столам, и официанты наливали им искрящееся шампанское и могли что угодно налить и смешать из разнокалиберных бутылок, больших и маленьких, пузатых, плоских, прозрачных, тёмных, шеренгой выстроившихся на столах. И всё рассыпалось. Первоначальный порядок был нарушен. Гости высыпали и во двор, где были вспомогательные столы и получалось не так на виду. Началась новая кристаллизация.

Я видел, как возле этой красивой и рослой женщины теснились подобные ей мужчины, точно клонированные, рослые и красивые, как на подбор. Я знал, что у пчёл пчелиную

царицу окружают трутни местного улья. Они лишь затрудняют контакты с ней. Избранник будет не из них. Избранником станет чужой. Она мне всё больше нравилась, и как бы присутствовала во всём: и в сидящей на камне зелёной женщине и в скульптуре музея Вольты с большим животом, выставленной во дворике ратуши. Просто она и есть красота, которой нет пока определения. А спасёт ли красота мир? Скорее разрушит. Вот теперь она разрушила мир моего спокойствия и, наверное, не только мой. Хотя с французами об этом бесполезно спорить, у них свои понятия красоты.

– Фреди, кто это? – спрашиваю я знакомого инженера из «Аэропасиаль», из баллистического отделения, что в Каннах на набережной Круазетт.

– Не знаю, – отвечает он.

Должно быть, она, действительно, иностранка, и здесь её не знают. Но Фреди не знает и многих из КНЕСа.

– Марк, познакомь меня с будущей космонавткой, – прошу я знакомого из медицинской группы. Мы выходим на свежий воздух, где у входа, прямо у крепостной стены расставлены столики, и подходим к Клоди Дез. Она в составе французской медгруппы отвечает за эксперименты. Однако я видел её на фото в кнесовской газете, на ступеньках центрального офиса КНЕС в группе космонавтов. «Шестеро смелых» заголовком статьи. Кандидаты на космический полёт.

Во время очередной встречи в Тулузе нас пригласили в одну из комнат, где шло посвящение в рыцари. Прописы-

вался космонавт. Кандидата на будущие полёты приняли в КНЕС и шло широкое застолье. В тарелках, в раскрытых коробках была принесённая еда, а угол комнаты был уставлен тяжёлыми бутылками шампанского. Когда подходила очередь, будущий космонавт брал в руки мачете и отсекал очередное горлышко.

Умеют веселиться французы, хотя на вечере в мэрии они ведут себя очень скромно и выпивают чуть-чуть: плеснут себе на самом доньшке. Должно быть, французская житейская мудрость гласит: не веселись на виду у начальства. А мы? Море нам кажется по колено, хотя моря, как известно, очень глубокие. За одним из стоящих снаружи столиков мы с удивлением видим Ле Станга – одного из замов руководителя французского космического центра, мы рядом вместе с представленной нам будущей космонавткой. Мы говорим общие слова и пьём за совместный успех.

Существует точка резкого поворота судьбы, но мы её не замечаем и осознаём, как правило, задним числом, когда уже грош цена нашей наблюдательности. Началом нашего расхождения с шефом, наверное, можно считать разговор в тёмной и длинной комнате в конце коридора первого этажа единственно крупного здания третьей территории, куда заскочили торопящиеся Таисия и шеф. То было время общего опьянения без вина открывшихся шлюзов перестройки. Снялась вдруг разом система сдержек и противовесов, и всё,

что держалось на поверхности стоячей воды, хлынуло в про-ран.

Шеф и Таисия – современные Лиса Алиса и Кот Базилио – вдруг замелькали вместе, готовя какие-то решения. Возможности будоражили всех. Казалось, всё теперь зависит только от тебя, от собственной энергии. Они составили деловой тандем.

Недавно закончился второй французский космический полёт. На Землю в числе возвращаемого оборудования вернулся французский блок электроники «Эркос». По протоколу блок этот не требовалось возвращать. Он экспонировался в космосе. Телеметрия регистрировала попадания в него тяжёлых заряженных частиц, и выяснялась возможность применения различных электронных схем в космосе. Но блок был спущен на Землю, и предстояло решить, как поступить с ним теперь: вернуть французам или извлечь какую-то собственную пользу.

Что могла предложить Таисия? По скудости ума или прежние связи так требовали она предложила отдать «Эркос» в какие-то отечественные разведывательные лаборатории. Мол, там, покопавшись в нём, его снова соберут и передадут по назначению. Конечно, было это по-детски наивно и беспочвенно: не просеёшь чужие схемы и своих попыток не скроешь. Нужно просто по-моему передать французам их блок и по-хорошему договориться с ними поделиться результатами.

Столкнулись мы лбами в длинной и тёмной комнате, и не вопрос Таисии: «Кто это предложил?», я ответил шефу, словно её и в помине не было: «Может, мы обсудим этот вопрос не на уровне «домохозяек»? Я сказал «домохозяек», хотя слово «домработниц» вертелось у меня на языке. С ним вышло бы обидней, хотя и этого оказалось достаточно. Она умела держать удар и проглотила мои слова. Однако всё проходило прилюдно. И пошло-поехало.

Оскорблённое женское самолюбие не сравнишь с мужским. Мужчины поругались, грохнули по столу кулаками, послали друг друга, как говорится «вдоль забора», и дальше по делу. А женщины... Не даром сказано, что если бы войны велись женщинами, они бы закончились полным уничтожением. Женщины последовательны. И у нас началось последовательное расхождение.

В Ницце был этому очередной поворот. Но в тот вечер мы этого не чувствовали. Мы возвращались ущельями местных улиц в тумане подпития. Где-то пересёк нам дорогу битком набитый автомобиль, и за рулём была эта самая «девушка моей мечты». Я и случайный попутчик из нашей группы выбирались наугад лабиринтами ступенчатых улиц. Дома торопливо спускались к морю, теснились по сторонам, оставляя узкий проход пешеходам. Мы зашли в какую-то ярко освещённую фруктово-винную лавку с непривычным для нас стандартным набором специй и овощей, консервов, напитков и вин, удивляясь, что всё здесь не так, как у нас, взя-

ли по баночке пива и пошли дальше, и эхо вторило нашим шагам и русским взлётам речи.

Затем многие купались, вызывая, должно быть, местное изумление: «Ах, эти русские» купаются в ноябре, но вода по-летнему была тепла. Я поплыл в направлении застывшего посреди залива парохода и нарочно так бил руками по воде, что брызги летели до небес. И не понять: то ли это сверкают они, то ли такие близкие южные звёзды?

На берегу шеф спрашивает меня:

– Куда ты плыл?

– Я плыл, как рыба на свет, как бабочка на огонь, потому, что влюблён в американку. Я мечтал встретить такую и полюбить.

– Тогда женись, – советует шеф, словно нужны мне его паршивые советы. Море теперь мне по колено и хочется продолжение праздника. А тут парень, что с нами из комитета. Он говорит: «Я никого здесь не знаю, пригласи кого-нибудь...» Ради бога, мне всё равно уже кого и с кем. Приглашаю продолжить вечер знакомых французенок-переводчиц.

Мы сидим на балконе и шутим, и этот парень из комитета ведёт себя, как все. Впрочем мне это, как говорится, по барабану. У нас просты отношения с режимом. Не диссиденты мы, просто работаем в режимной области, связанной с секретами, и они охраняют их. И по сути эти приставленные к нам люди – обслуживающий персонал. Мы, конечно, их побаиваемся. Они как сторожевые собаки, что по сути своей –

и злы, и нам приходится с ними сосуществовать.

Мы сидим теперь у меня на балконе и пьём вино: две хорошенькие французские переводчицы и мы – я и парень из комитета госбезопасности, который, может быть, и в это время работает на своё известное только ему задание. А мне всё равно. Под конец я дарю девушкам привезённые памятные медали. Достаяю их из холодильника, чем вызываю смех. Просто вёз их с консервами и до сих пор не распаковывал. Они хранились вместе с продуктами и холодны, как лёд.

В это время продолжилось начатое расслоение. Шеф, Таисия, Крутов и Сонька бесплатным к ним приложением приглашены на узкий приём, а мы сидим на балконе и шутим, как будто это нас не касается и вовсе не мы – причина всего. Такого до этого у нас не было. Все были равны, и только взаимные симпатии чуть различали нас. А здесь налицо – плоды субординации и тайной политики «разделяй и властвуй», с которой нам неизбежно придётся мириться теперь.

Ребята – коллеги с французской стороны приехали, видимо, позже, когда мы закончили балконное «суаре», и я в глухой, изолированной спальне провалился в глубокий сон.

И потекли дни похожие. Доклады днём в украшенном русскими картинами зале и коллективные вечера. Доклады были для нас повторением пройденного с подтекстом, что сде-

лано всё не зря и впереди совершенствование лётного оборудования и предстоящие полёты с частотой запусков не менее одного полёта в год.

Мишель Тонини в кандидатах на следующий полёт. Но кто его дублёр? Возможно эта прекрасная женщина, что так волнует меня. И это было бы правильно. Ведь космонавты этикетками наших работ, а на носу уже полёты челночных кораблей: нашего «Бурана», а может когда-нибудь и французского «Гермеса», который в проекте пока, но кстати уже пора заняться совместными средствами сближения и стыковки этих кораблей. Как говорить, готовить задел на будущее. Но для кого? Ведь подросла новая поросль. Занимаясь этим проектом, мы поотстали, а рядом новая поросль, страждущая и жаждущая. И впереди сложный выбор, ситуация не из простых.

Перед нашим отъездом в КБ опробовали концентратор – с виду плоский диск. Полированный диск с профилированными канавками. Вынесли его на солнце, и в фокусе вспыхнуло пламя. Смысл опробованного устройства был в том, что вместо вогнутого зеркала был диск с канавками, собирающими солнечные лучи.

Шеф наш обожает демонстрации фокусов. Хлебом его не корми, дай только возможность поразить. Это всего касается – устройств и опытов. Другими нащупывается дорога, а он уже сделал первый шаг. Секрет его прост – он не отягощён грузом обязательств. Если удалось, он обращает внимание

на себя: вот я каков... И все, разумеется, смотрят. Со стороны кажется, что всё выходит легко. Начальство остальных упрекает: «Что же вы?» А они, отягощённые грузом обязательств, не могут рисковать. Вот он рискует и у него получается иногда. И тогда он калифом на час в свете камер. Прокукарекал, а там хоть не рассветай.

Нет, если честно, не всё. И он бы хотел глубоких знаний, серьёзного уважения и фундаментальности. Но это требует анализа, труда гигантского обобщения результатов и не известно куда может привести. А так приятно скользить по верхушкам волн, как серфингисту на Гавайях, и заражаясь грибком брожения, что из обычного сока производит шампанское, пьянить – будоражить всех, срывать аплодисменты и уходить в тень алхимического поиска. И мы испорчены его примером и выросли на его феномене, как опята на пне. Нам тяжело теперь вернуться в обычную жизнь.

Конечно, и здесь идёт работа, готовятся шаги, ведущие за горизонт, а мы своё отработали. Здесь, на берегу Лазурного моря – наш праздник души. Доклады нам ясны, как день, и не очень важны. Они всего лишь повторение пройденного. Зато загадочно непредсказуемы вечера.

Сегодня нас повезут на ферму Сен-Мишель, что в горах над низким карнизом *Basse corniche*, аккуратно с верхним карнизом – *Grand corniche*. Всё это звучит многообещающе и упомянуто в книге «Ночь нежна». А впереди ещё обед в морском клубе (двести метров вниз, помните) и нас везут ту-

да. Рассаживают за общими столами, потому что сотрудничество продолжается. Шеф выступает здесь в плане распахивания целины и Таисия ему ассистирует.

Таисия... Буду впредь для сокращения называть её инициалами – ТТ. Так удобней, хотя похоже на восьмизарядный пистолет В. Ф. Токарева. А что? Сходство есть. Действия её так же эффективны и безотказны, как пистолета, принятого на вооружение двадцати пяти стран. В этом убедятся все на её пути. Однако нынче иные коллизии – продолжение поездок, связей, использования средств, брошенных на освоение космоса. Мы в этой поездке, как в стране детей, где карнавал и нет обязывающих отношений. Закрывая глаза, можно такое себе представить, хотя рядом другое выстраивается.

Есть давний спор: кому руководить сложной организацией – театром, атомным проектом, союзом, где одновременно присутствует необходимость организации и творчества? Опыт подсказывает: возможно и так и сяк, но идеальным будет хороший организатор, которого прежде всего волнует творческий исход. А в жизни выходит по-разному. Идеальным был, скажем, Алексеев – Станиславский, который в России организовал эффективный выпуск проволоки, а затем преобразовал стихийное артистическое движение в замечательный театр. И генерал Лесли Гровс, преданный атомной моноидее в Америке. Наоборот, в НИИ-1, бывшем РНИИ – российском реактивном институте – в наше время было две головы: наукой командовал М. В. Келдыш, а в директорах

хозяйствовал В. Я. Лихушин. И всё выходило хорошо.

В последнее время распри, связанные с руководством театров, доказали, что если силы уходят на борьбу, не достигается ничего хорошего. Так получалось и у нас. Хотя имелись великие возможности успешно продвинуть дело и овладеть очередной космической реалией, ограничивались голым функционированием, сервисом «Чего желаете?» – заказом, вызовом транспорта, предложением поднести чемоданы. Словом, той же политикой «Дал-взял».

За обедом в морском клубе за первым руководящим столом завязывались организующие цепочки, а остальные, рассыпанные по столам, не знали, не ведали того, что там затевается? Им оставалось только безоблачно веселиться, смешить себя и других и ждать, куда выведет кривая, намеченная за начальственным столом?

Умение талантливо доложить – искусство особое. Рядом со столом президиума сидят синхронные переводчицы. Они со скоростью пулемёта строчат в развёрнутых блокнотах замысловатыми крючками, чтобы затем зачитать компакты скорописи. Но нам давно всё известно, мы слушаем их в полуха и «выдающиеся» научно-технические изложения клонят в сон. Вопросы в конце чуть оживляют доклад и перерыв с кофе-чаем и неформальным общением чуть пробуждает аудиторию. Сама крепость – мэрия сонного городка и здесь же музей под открытым небом и музей Вольты, где выставка

картин этого художника, вложившего умение и талант в изгибы женских тел. Ну, что же? Каждому своё. Кажется, я очутился в стране детей, как Большой Мольн. И казалось живи себе, радуйся, наслаждайся доставшейся жизнью и случаем, а тебе тревожно

и грустно, когда видишь рядом мир, построенный по иным правилам.

С шефом ни плохо, ни хорошо. Мы просто не контактируем. Пространства достаточно. Мы как-то вместе бежали к воде по ступенчатой лестнице. И получалось, что он меня вовлёл и без него я бы не побежал; и что спускались бегом, им мне это навязано. Ах, не нужны мне подобные групповые поездки. Они мешают восприятию красоты. Ведь красота – святилище и не каждый в него вхож, а шеф вломился сюда со своими босыми ногами. У мусульман принято снимать обувь у входа, но это не значит, что следует снимать всё. И Крутов бродил по Парижу в привезённых домашних тапочках. Они портят мне впечатления от красоты, которую я пытаюсь понять.

Шеф – человек по-своему ищущий. Он находит тех, кто уже самостоятельно что-то нашёл-открыл, свою многообещающую жилу, и подключается к её использованию. И вот грохочет помпа-техника, скрежещет драга, а сам первооткрыватель в стороне. И в деле главенствует не ум, а остроумие, как у тамады за столом. Сначала тамада потешает всех,

а позже распоряжается за столом. И вот теперь наш шеф в президиуме. Он доктор, профессор. Профессор чего? Как говориться в народе, профессор кислых щей. В проекте он выглядит появившимся кукловодом. Профессор Тритон, выплывший из глубинных вод. Вокруг него пляшущие рыбки.

Тогда я парировал святое для него: «я был в отряде космонавтов», считая это не достоинством. Туда стремились лишь те, кто не успел и не сумел в обычной жизни, с их ущемлённым самолюбием. Отряд – сборище сгорающих от неудовлетворённых страстей, что сушат душу огнём, словно заразная болезнь. И возражая, я играл с этим огнём, не представляя, чем дело закончится? Теперь к шефу не просто пробиться: вокруг рыбы-прилипалы особой стаей окружают его.

Меня всегда удивляла синхронность рыбьей стаи. По мановению неведомых сигналов вожака рыбы меняют своё движение. И наши рыбы-прилипалы мгновенно отслеживают шефовы ходы. Они вокруг него повсеместно и постоянно, сопровождающими на прогулках, а вечерами с возлияниями и записным словословием в своих номерах, в морских купаниях на берегу залива, в центре которого так загадочно освещён белый пароход.

А мы встречаемся с шефом только в зале заседаний, где он за столом президиума комментирует доклады, рядом с другим сопредседателем – Виктором Крутовым, вписавшимся в шефову систему «дал-взял». У меня к нему двойное отношение. На своём месте в ЦУПе он – бесконечный труженик.

Он – работник и в целом мне нравится, но его околопроектные действия мне не по нутру. Для меня слишком дорого всё, относящееся к Франции. Я сначала заочно знакомился с Францией, с незапамятных времён, когда студентом второго курса в «подсобке» Ленинки с окнами на кремль и музей Калинина я запоем читал тома французской истории. Мне нравились труды Наполеона, скромные и детально практические – анализ прежних войн, и книга Тарле – «Наполеон», и некие пожелтевшие труды, книги по истории, географии, архитектуре. И постепенно, исподволь в душу вливалось очарование страной и вот оно сделалось реальностью.

За удовольствия нужно расплачиваться. И я расплачивался трудом, а остальных оценивал их нужностью проекту. В основном все они не нужны или не очень нужны. Они инородные здесь и мешают и делу, и поиску красоты.

В Ницце сейчас ранняя осень, а прежде ценилась зима. Век назад здесь были популярны русские сезоны, и об этих местах писали Бунин и Куприн, и Фицджеральд писал и можно писать ещё. Стены крепости по сторонам – толстые звуконепроницаемые. Их когда-то называли мягкой бронёй, потому что в них застревали ядра. Со двора через бойницы видна гладь залива. Отсюда удобно целиться: всё, как на ладони. С этого начинал Наполеон. Он сменил береговые орудия, увеличил их дальнобойность и уничтожил английскую эскадру перекрёстным кинжальным огнём. Тулон стал первой ступенькой его стремительного восхождения. А где мой

«Тулон»: в этом зале или за его непроницаемыми стенами?

Ведь везение в жизни обычно полосами. Первоначально мне потрясающе, оглушительно везло и я этим не пользовался, считал, что так будет всегда. А жизнь, как маятник. Но мне казалось, что меня ангел-хранитель подстраховывал. Как будто там, в небесах ходатайствовали за меня мои рано погибшие родители. Мне везло, но как правило по-мелкому, а в крупном, где выстраивал стратегию я сам, я, пожалуй, в полной мере – неудачник.

Поясню, ты попадаешь, скажем, в страну грёз, но твоя обувь жмёт, несимпатичны соседи-попутчики и ты не можешь понять: повезло ли тебе или всё это нужно только лишь пережить?

Симпозиум движется медленно, удручая монотонностью. Встречались редкие проблески. Влетели в зал как-то Мамод и Мерсье с докладом, поднимающимся над общим уровнем, кинематическими изображениями, напоминающими рисунки римских колесниц, а то в обычном докладе встречались модель, решение, которые выглядели парусом на фоне безбрежных вод, но чаще доклады клонили в сон, а обсуждение с тормозящими вопросами напоминало движение в вязкой среде. Местами присутствие становилось невыносимым и хотелось нестандартно-необыкновенного, того, что в любом случае вывезет и спасёт. Я думаю, многое в нас самих дремлет до поры, до времени и пробуждается опасностью

или красотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.